

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕЧАТЬ

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Но́вова, В. Лядина, А. Селивановского, М. Гельвинского, М. Губоцкого, М. Серебрянского, М. Чарного, Е. Успенвич.

ЦЕНА 20 КОП.

5 СЕНТЯБРЯ 1933 41 (296)

ЗА ПИСАТЕЛЯ-БОРЦА

Уже несколько дней продолжается чистка партийной ячейки московских писателей. В соответствии с общими директивами партии на чистке занимаются не только личной биографией каждого отдельного товарища; должен быть поднят вопрос о его «производительности». Перед каждым писателем-коммунистом в отдельности и всем вместе чистка ставит задачу — продумать пути литературы в общей борьбе за новый мир.

В нашей среде очень популярны разговоры о новом типе писателя. Но не всегда отдают себе отчет во всей глубине вопроса. У нас еще нет до сих пор умения понимать каждую литературную проблему в серьезной связи с решающими общественными явлениями, нет умения видеть отдельные события как звено одного великого процесса, того умения, которое дается только широким мировоззрением.

Новый тип писателя — это проблема огромного значения, которую надо понять во всей ее политический и философской значительности. Писатель стоит на одной из самых передовых позиций советской общественности. Проблема типа писателя непосредственно связана с проблемой типа человека страны социализма и вытекает из всего нашего понимания мира, человеческого мышления, человеческой борьбы.

В последние несколько недель советская общественность отмечает одну значительную дату, которая дала повод снова продумать целый ряд важнейших вопросов большевистского ленинского мировоззрения. Мы говорим о П СЕЗДЕ ПАРТИИ.

Когда тридцать лет назад Ленин на П съезде вел спор с меньшевиками о параграфе первом устава, это был по существу спор, определявший водораздел двух мировоззрений, спор о классах, о разных типах людей. Ленин вел борьбу за тип борца, за борца сознательного и активного, но не только понимающего мир, обнимающего его, но и переделывающего его. Только таких борцов он считал достойными быть членами партии.

Меньшевики (Мартов, Аксельрод), прикрываясь декларациями о демократии, расширяли влияние и влияние, развалили за созерцающих, за тех симпатичных профессоров и гимназистов (буквально), которые хотя и не ведут в партии никакой работы, но «сочувствуют».

Ленин исходя из того, что только работой, борьбой можно чего-нибудь добиться, что только в практике познается мир и сам человек, из стремления сделать партию рабочей по составу и психологии, из марксистского понимания мира, взаимоотношения объекта и субъекта, который не только подвергается воздействию объекта, но и сам на него воздействует. На позиции марксизма складывалось их созерцательное пассивно-фаталистическое отношение к миру, их оппортунистическая боязнь революционной активности рабочего класса.

Через всю историю партии проходит эта неустанная непрерывная борьба Ленина против меньшевистской отвлеченности, против риторичности, прикрывающей пассивность, против отрыва от живой жизни, против созерцательности, против слепой веры в стихийность, — всех этих качеств, которые меньшевики приносили от буржуазной интеллигенции.

Эта борьба велась одинаково и в философии, и в экономике, и в «чистой» политике и в организационных вопросах, которые сначала называли простыми — «в чем дело? почему это так важно?»

«Но вот с конца 1897 года и особенно с осени 1898 года по подлинно русской социал-демократии голову так же люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток (мало сознательных «идеологов», которые могли бы руководить стихийным движением... Ред), но и объявлял его особой добродетелью, которые возлегли в теорию преклонение и уважение перед стихийностью...» Вот это уже была настоящая беда (Ленин).

В искусстве, в теории искусства меньшевики перенесли в законченном виде свое мировоззрение пассивности и созерцательности. Может быть, в более законченном виде, чем в какой-либо другой области, потому что в искусстве под властью архаических представлений о «вдохновении», творчестве, таланте легче было скрыть подлинную классовую сущность этого мировоззрения.

Меньшевики сделали все, что было в их силах, для того чтобы представить искусство как стихийную силу, а творческий процесс как стихийный, бессознательный. У нас до сих пор нет сводной работы, которая собрала бы и подвергла критике

Вс. Иванов ПОДЛИННЫЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

История развития большевизма, история коммунистической партии есть, несомненно, одна из самых удивительных и захватывающих по интересу страниц в истории человечества. Эта история в жизнеисполнении отдельных лиц, ее творческих, еще мало известных, и по правде сказать, не наша еще своего великого, достойного ее художника. Этот подлинный, впервые в истории человечества осуществившийся «положительный характер», т. е. такое сочетание воли и чувств, которое наиболее всего необходимо для рабочего класса и крестьянства, характер, круто повернувший самые лучшие силы человечества на немедленное и правильное осуществление достойной и полезной работы, этот характер, этот уже полный хозяин на шестой части земного шара, еще бродит где-то возле книг писателя, еще не вошел в полную и твердую поступью на полотно художника, еще не гремит у музыкантов.

Но в каждой новой работе писателя, художника, музыканта с каждым новым днем все яснее и яснее ощущается эта история нового человека, этот новый взгляд на вещи, на поступки, на прошлое.

Иначе и нельзя, — настало это время великая и ответственная. Подступили к ней трудно, необходимо великая учеба, огромные знания; как книжное, так и знание жизни; знание того, как эти люди, почему эти люди переделывали себя, переделывали других, часто малоспособных, ленивых, трусливых, наполненных, казались бы, доверку предсудками прошлого и боязью будущего, как открывали и помогали всему талантливому, бодрому и умному, молодому и смелому.

Оглядывая свои работы, я должен сознаться, что только теперь, да и то не совсем уверенно и твердо, я подхожу к темам истории коммунистической партии. Неуверенность эта мне и приятна, и тяжела. Приятна потому, что заставляет упорно учиться и упорно думать и бороться со своими слабостями и пороками, тяжела потому, что слабости и пороки, как и у всякого работника, приятны только тогда, когда они в прошлом, а не сейчас перед тобой; большая, ясная и простая вещь, необходимая и полезная многим.

Из сказанного выше, надеюсь, ясно, что во всей моей работе, подмахивая ее и проваливая ощущается бешеное пульса великой коммунистической партии, поставившей меня, вдохновившей, среди прочих работников, — перед таким высоким понятием человека и его задач, какого еще не знала земля; что жить в такой стране, быть окруженным такими людьми, знать и стараться их понять, — что жить надо умечом и с уважением и к своей жизни, и к чужой, хотя сколько-нибудь полезной этой новой и необыкновенно пресекральной эпохе.

Н. О г н е в МЫ БЬЕМСЯ НА ОДНОМ ПЛАЦДАРМЕ

Отношение беспартийного писателя-интеллигента к партии — тема большого художественного произведения. Это произведение еще не написано, но оно будет создано, — в этом нет сомнения.

Лично к лицу с большевиком я встретился впервые в 1906 году в тюрьме. Это был человек был Арон Поляков (м. б. подпольный псевдоним). Меня — юншу — поразило в этом человеке громадная внутренняя убежденность и какая-то особая, принципиальная, несговорчивость. Когда было нужно, Арон шел против всех (в тюрьме он был единственным большевиком) и насколько от этого не страдал, а наоборот, бывал этим весьма доволен. Меня, совершенно зеленого юнца, Арон и не пытался сагитировать, завоевать, но все его слова и действия оставляли во мне глубокий след. Двадцать семь лет прошло, а я помню все выступление Полякова.

В 1907 году в другой тюрьме мне пришлось встретиться с первым большевистским коллективом во главе с Н. Я. Меншериным. Пробыв с ним всего две недели, но успев увидеть твердое единство, спаянность действий, охватывающую глубоко принципиальную основу. Среди эсеровских и анархистских, сфрутированных коллективов то и дело вспыхивали склоки далеко не принципиального порядка. Меньшевики слышны и рядом проявляли твердость взглядов, шатание убеждений, политическую мягкотелость, в дискуссиях часто везали оголтелости в метафизику. На этом фоне сплоченность большевистских внутренних отрядов производила особое, неизгладимое впечатление.

Во время войны я — согласно со своей средой — был оборонцем. Летом 1917 года я попал на фронт, и солдатские массы убедили меня в правоте большевиков.

Торевная и военная практика сделала свое дело: с лета 1917 года политически — я вместе с партией. Моя литературная работа прошла через более сложную эволюцию.

Первоначальная моя литературная деятельность складывалась под чуждыми партийными влияниями 1909—1914 годов. Гуманизм и мистика, «красноречивый закон» и «вторичные легенды» — все это в разной мере действовало на мое сознание и эмоции. Некритическое отношение к литературному наследию привело меня в 1924—25 году к перелому. Отдалась я от чуждых влияний путем длительной и глубокой работы над собой. Но, конечно, руководство партии сыграло в переломе моего литературного сознания решающую роль.

Особенно благотворно подействовало на меня постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Помню, я выступил на собрании писателей по поводу этого постановления и сказал:

Постановление зовет нас к тому, чтобы мы делали конкретное, конкретное социалистическое строительство. До сих пор мы делали мало, делали плохо. Нужно больше и лучше.

Тогда я еще не ощущал в полной мере того, что ощущаю теперь, и нас есть учение Маркса — Ленина — Сталина, у нас есть руководство большевистской партии, мы бьемся вместе с партией на одном плацдарме против общих врагов. Двадцать третьим апреля у нас развязаны руки, преступно дратья палочкой оружием, когда есть возможность выковать хорошее.

Нужно делать то, о чем до сих пор говорили.

ПАРТИЯ ПРОВЕРЯЕТ РАБОТУ КОММУНИСТОВ-ПИСАТЕЛЕЙ НА ЧИСТКЕ ЯЧЕЙКИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Началась персональная чистка партийной ячейки советских писателей. Чистка проходит активно, выстуления, как правило, носят серьезный принципиально-политический характер и связываются с творческими задачами, стоящими перед каждым коммунистом-литератором.

Чистка проходит под знаком проверки — как каждый литератор-коммунист своим творчеством помогает социалистическому строительству. Она ведется в обстановке широкой развернутой самокритики.

Создание такой атмосферы на собраниях — это в значительной мере заслуга комиссии по чистке и ее председатели т. Магидова.

Разъясняя задачи чистки, в самом ее начале т. Магидов подчеркнул необходимость покончить с разговорами об «особом подходе» к писателям-коммунистам.

— Мы твердо убеждены, что ни о каких особенностях, как это понимали отдельные товарищи, речи нет. В этой чистке есть член партии, а они являются определенной работой, в данном случае творческой. Так мы и будем определять, насколько правильно эти товарищи-коммунисты выполняют эту творческую работу. И с этой точки зрения нам кажется, что не надо делать никаких поправок на какие-то «никакие обстоятельства». Напротив, если коммунисты занимаются таким важным делом, как художественное творчество, почему нужно этим товарищам давать какую-то амнистию? Мы убеждены, что к нам надо предъявлять более высокие требования.

— Нашей центральной задачей будет проверить: как вы работали над проведением в жизнь директив партии? Мы будем вас спрашивать, как вы, писатели, выполняете свою роль? Может ли беспартийный писатель, глядя на вас, сказать, что вы от него чем-то положительным отличаетесь?

За годы революции выросла большая группа писателей-коммунистов. Выросла и крепнет молодежь, уже многочисленная смена коммунистов-писателей. Это не заметили или, вернее, не хотели заметить только Дорыхов и Осенин. Их критические выступления против коммунистов-писателей, всей ячейки в целом были сурово осуждены всеми присутствующими.

Перед комиссией Б. Левин. Скромино говорит он о своем прошлом. Член партии с 1918 года. Участник гражданской войны. Политработником. Был членом ревтрибунала фронта. После службы в Красной армии учился. Работал в «Рабочей Москве», «Огоньке», «Средокорде». Потом написал книгу «Жили два товарища».

Он говорит о творчестве, об ошибках, о переживаниях в связи с той критикой, которая была направлена против него. Между прочим, одна деталь: в течение года коммунист Б. Левин не мог добиться разговора с секретарем фракции РАПП Макарьевым, а вот тов. Солец, когда Левин обратился к нему, в тот же день прочел его книгу и 40 минут беседовал с ним. А через несколько дней Солец лично по телефону вызвал Левина к себе, чтобы подробно узнать, что он пишет, какие у него настроения.

О Левине говорит много. Вместе с коммунистами выступают беспартийные. И те и другие признают: Левин хороший коммунист, скромный, вдумчивый, серьезный. К творческой работе относится с полным сознанием своей большой ответственности... Говорят о его манере, структуре образа, особенностях языка.

В результате перед комиссией и всеми присутствующими отчитывается образ коммуниста-писателя, тов. Магидов замечает: кое-что забыл, что, проверяя ячейку, мы будем о ее «спецдеке», о том, что мы имеем дело с писателями. Как видите — не забыли.

Первым проходит чистку Иван Батрак. Практическая жизнь большевика, без остатка преданного делу партии, прошедшего суровое испытание царского подполья. И. Батрак необычайно скромно! Скромнее даже больше, чем следует. Нужно держать, — говорит в заключение т. Магидов. И это — «держать» правильно передает то качество, которое до сих пор было недостаточным развито у т. Батрака.

В той же шеренге большевиков, прошедших суровую школу подполья, идут И. Шувалов и А. Богданов. О Шувалове в рядах шутят: «Живой роман». И это верно. Этот человек имеет такую героическую биографию, что если бы она была прозой и правильно написана, она бы читывалась бы молодежь. Разве «записать эту жизнь» — не почетная и первостепенная задача самого Шувалова и всей ячейки?

Приверяется А. Богданов. Один из родоначальников пролетарской поэзии, вместе с другими полностью отдавший когда-то свое литературное дарование на службу

нашей партии. Он с такой же юношеской страстью «горит» и сейчас на литературно-общественной работе.

Но ячейка и здесь, как во многих других случаях, мало заботилась о творческих интересах писателя-коммуниста. Громадный литературный архив (кроме поэзии Богдановым написано до 100 листов прозы) остается необработанным. А ведь очень многое из написанного Богдановым в прошлом принесет незначительную пользу и сейчас.

Чистка показывает, что ячейка была недостаточно связана с производственными, творческими задачами, недостаточно руководила писателями-коммунистами. Вот почему коллектив из ста литераторов-партийцев не занимал в литературной жизни страны того места, которое он должен был занимать. Чистка поможет творческому росту писателей-коммунистов.

Перед комиссией Б. Левин. Скромино говорит он о своем прошлом. Член партии с 1918 года. Участник гражданской войны. Политработником. Был членом ревтрибунала фронта. После службы в Красной армии учился. Работал в «Рабочей Москве», «Огоньке», «Средокорде». Потом написал книгу «Жили два товарища».

Он говорит о творчестве, об ошибках, о переживаниях в связи с той критикой, которая была направлена против него. Между прочим, одна деталь: в течение года коммунист Б. Левин не мог добиться разговора с секретарем фракции РАПП Макарьевым, а вот тов. Солец, когда Левин обратился к нему, в тот же день прочел его книгу и 40 минут беседовал с ним. А через несколько дней Солец лично по телефону вызвал Левина к себе, чтобы подробно узнать, что он пишет, какие у него настроения.

О Левине говорит много. Вместе с коммунистами выступают беспартийные. И те и другие признают: Левин хороший коммунист, скромный, вдумчивый, серьезный. К творческой работе относится с полным сознанием своей большой ответственности... Говорят о его манере, структуре образа, особенностях языка.

В результате перед комиссией и всеми присутствующими отчитывается образ коммуниста-писателя, тов. Магидов замечает: кое-что забыл, что, проверяя ячейку, мы будем о ее «спецдеке», о том, что мы имеем дело с писателями. Как видите — не забыли.

Первым проходит чистку Аркадий Ситковский. Его в писательской среде знают многие. Основной недостаток творчества Ситковского — низкий художественный и политический уровень его произведений. И это неудивительно. На ряд политических вопросов т. Магидова Ситковский неизменно отвечает:

— В моей библиотеке книг на эту тему нет.

Когда ячейка решила послать Ситковского на песенную кампанию, он отказался.

Свою квартиру, полученную от горкома писателей, он сдает классово враждебному элементу. Разобранным складывается облик разложившегося коммуниста.

И когда т. Магидов спросил: — Желает ли кто-нибудь сказать положительное о Ситковском? — желающих не нашлось.

Прогонит чистку Соколенко, редактор Главлитрекома.

Автобиография странная. Правильно говорит т. Вишневский: — Я вволю пишу, когда слушаю биографию Соколенко. С 1918 года в партии! Какой огромный период жизни для большевика! Но этой интересной жизни большевика у Соколенко мы не видим. Видим сам он говорил, что в Питере получал всего четверть фунта хлеба. Из-за хлеба пошел в армию Соколенко.

— Что делали в Красной армии в годы воюющего коммунизма? — спрашивают его.

— Работал секретарем драмсекции.

— Участвовали в боях?

— Нет.

— Ваша партпартузка?

— Я просил ячейку освободить меня от партпартузки ввиду моей перегруженности.

— В чем выразилась ваша борьба с оппортунизмом?

— Не пропускал классово враждебных писателей.

— И только?

Соколенко молчит.

Факты первых дней чистки писательской ячейки показали, что за небольшим исключением в ней собраны передовые идеологически устойчивые, творчески растущие кадры, имеющие по преимуществу, что они воспитываются в партии Ленина — Сталина.

Об этом преимуществе говорит Завалишин. Его партийная биография в этом смысле особенно почетна. Начав писать, Завалишин неожиданно почувствовал тяжесть партийной дисциплины. Его тянуло к песне, к литературе, а партия бросала его на административную работу: в обкомполком, собез, редакцию газет. Да и тут его назначили не туда, где хотелось быть ему, а туда, где было нужнее. И тогда Завалишин решил пожертвовать партийностью. Чтобы иметь возможность писать — он вышел из партии. Ему казалось, что можно быть коммунистом, не будучи в партии.

Завалишин ошибся. Скоро он почувствовал, что могучий источник его правды, его уверенности и ориентировки пропал, а вместе с ним пропала и острота его творческого ощущения. В результате — «Партилет», политически ошибочная повесть. Прошло несколько лет, прежде чем Завалишин окончательно «попал», из этого фокуса (выхода из партии, чтобы быть писателем) ничего не вышло. И Завалишин оделал единственно правильное решение: он вновь подал в партию. Писательская ячейка приняла его и — думается — не ошиблась. Автор «Партилета», когда-то критикующий партию со стороны, заканчивает сейчас «Записки политотдела», боевой документ большевистской работы автора на весенне-посенной кампании в политотделе Ильинской МТС.

Ленинская школа нашей партии дает себя знать. Путь Завалишина подтверждает то положение, что партия, являясь могучим источником большевистской партийности, дает своему художнику силу и способность видеть лучше и дальше других.

Чистку прошли ряд начинающих писателей: Колин, Чанко, Гильярд и другие. Это — хорошие коммунисты. Они крепко держатся за генеральную линию нашей партии. Чистка продолжается.

Н. ОСТРОГОРСКИЙ С. АБОЛЬНИКОВ

ЧЕМ ГОРДИТСЯ МОСКВА

Отчитываясь перед читателями буржуазной парижской газеты «Литературные новости» («Литератур») в своем послании московских театров во время олимпиады МОРТ, Стефан Приасель пишет:

«В рабочих театрах Москвы, даже самых скромных, оформление значительно выше, чем в лучших парижских ансамблях... Какое рвение, какая темпераментность и подъем в сравнении с лондонской дряблостью и вялостью западноевропейских сцен... Вы чувствуете всюду необычайный экстаз борьбы... Вот чем Москва может поистине гордиться».

ПОЛЬ МОРАН В КАЧЕСТВЕ ГИДА

Поль Моран написал новую книгу «Лондон». В напечатанном в лондонской газете «Нью Инглэнд Викли» отзыве о ней мы находим следующие строки: «Моран очень точен. С точки зрения практической для посещения лондонских ресторанов, садов, театров, библиотек, его «Лондон» превосходит. В отношении искусства дело обстоит значительно хуже. А его сведения о литературе верить абсолютно не следует. Прочитав его книгу, хочется предложить Морану на чай».

„СМОТРЕ“ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Роман «XX век» Ив. Уксусова посвящен описанию борьбы за пролетарскую революцию на одном из крупнейших металлургических заводов и рудников Донбасса. Рождение и отсталой рабочей среде классового сознания в предвоенные годы гражданской войны — тема романа, а все летопись революционных событий XX века на заводе — его общий и широкий фон. Это двадцатый век, раскрываемый как век борьбы рабочего класса и партии и торжества пролетарской революции.

В ограниченном мире отсталых рабочих, где люди объединены между собой только бытом, соседством и кругом мыслей и чувств их замкнуто узко личными интересами, в тылу у белых армий возникает действие романа Ив. Уксусова. Оно завершается широким движением, превращающим белый тыл в красный фронт, в котором принимают участие все тысячи организованных заводских и рудничных пролетариев.

Десятидневный Фролов, считающий себя революционером, объективно продолжает выражать интерес предпринимателя в тылу, он делает в своей записной книжке всех рабочих на «красные» и «синие» точки, т. е. на хороших и ненавистных ему — других; последние как бы составляют галерею его личных врагов. Неспokoйным человеком и путанным философом бродит по нему главный «ключик» враг Фролова — козвиск Колчанин. Силачка как-то неудовольствием подвечивает покусует над своим подвечиванием. Однако и замкнуто жить подпольщик-медик Миняй Моногаров. Смазчик Ефим Серда тайно мучается своим случайным вступлением в партию меньшевиков, все острее ощущая желание быть вместе с отступившими на север красными.

С такими неопределенными еще героями начинает Ив. Уксусов роман, и он приводит их на последние страницы романа измененными пережитым опытом борьбы, спаянными между собой едиными интересами класса и окруженными массами против белого террора; первое боевое испытание малых групп подпольщиков, отбывающих у белого конвоя приговоренных к расстрелу рабочих; первая встреча двух рядом существующих подпольных организаций, окрашенная торжественной возволавающей переживаний, и, наконец, подготовка и осуществление первого открытого выступления уже сформировавшейся партийной организации на тысячном митинге, завершающемся организацией красногвардейских рабочих отрядов, — вот самые высокие и напряженные точки действия в романе Ив. Уксусова.

Между этими основными эпизодами в романе рассеяно много мелких и верхних штрихов, удачно раскрывающих те новые эмоции, которые испытывают недавно одиночные и разобщенные рабочие, принося к организованному движению своего класса.

Действительность белого тыла накапливает раздражение и в отсталой рабочей среде, и недавний лидер беспартийного соседского клуба десятидневный Фролов ощущает, что он «говорит без толку и совсем не то, о чем нужно говорить, да и вообще что-то новое, загадочное ложится между людьми, чего понять и не понять».

Ищущий пути к красным Ефим Серда встречается с большевиком-подпольщиком Моногаровым и, услышав, что тот «чувствовал» в нем меньшевика, горько бросает в ответ:

— Ни черта ты не чувствовал, чувствуешь преданность и активность, во мне этого еще не было.

В подполье Фролов впервые встречается с книгами Ленина и с этой встречей связан целый комплекс переживаний. «Существование таких книг являлось для Фролова крупной неожиданностью... «Что делать» его ошеломило... На каждой странице он находил для себя что-то новое, быстрое, непосредственно в цель — а их работу и отголоски. И с этой книгой было так же расставаться...»

На новом совещании подпольной организации в пустой шахте Фролов видит горящую, как золото, угольную стену, и «как-то» в совсем понятное «Что делать» в совершенной наготой раскрылось перед ним... Эти неслучайные угольные стены, коксовые печи, промышленность вообще какой угодно ценой должны принадлежать рабочим.

Все эти раскрываемые в романе детали переживаний людей «XX века» характеризуют Ив. Уксусова прежде всего как художника пробождающегося голоса класса, той сложной, навязывавших пролетарской литературе субъективистский «психологизм». Для примера достояние привести неотступно зрительское раскрытие образа Маршики.

С этой недостаточной широтой идейного и культурного кругозора в творчестве Ив. Уксусова связано то, что он, с большой наблюдательностью раскрывая самые первые толчки пробуждающегося сознания, гораздо слабее показывая последующие более высокие ступени роста людей и расширение их внутреннего мира. Здесь он часто топчется на одном месте и как бы торозит своих героев — у него не достает в этих случаях нужной

жизни. Начав роман «XX век», который в итоге сложился как энциклопедическое повествование о победоносной революции, Уксусов, изобразив отсталую рабочую периферию, в начале сам находился в плену у ее настроений — это сказывалось не только в густом назеле бытовизма и натурализме описаний, но и в искажении исторической обстановки. Так, он доводил описание безразличия рабочей массы к событиям гражданской войны до такого, например, неправдоподобия, что полагалось, будто между белыми и красными «только и создавала разницу одежда». Так, центральный эпизод первой книги романа (арест Фролова и Бартошки), в котором описан классовый конфликт, в первой редакции романа выражал только артельные укукозевые настроения.

Работа над новым изданием романа выражалась, главным образом, в переработке Ив. Уксусовым социально-политических описаний, в которых особенно оказывался высокий уровень его мировоззрения. Но отсталость мировоззрения автора осталась в других пластах романа и особенно в том нарочитом и навязчивом психологизме, с каким Уксусов порой раскрывает характеры своих героев. К истинности и многому натуралистическому правдоподобию здесь, несомненно, принаследывалась выучка у публично навязывавших пролетарской литературе субъективистский «психологизм». Для примера достояние привести неотступно зрительское раскрытие образа Маршики.

С этой недостаточной широтой идейного и культурного кругозора в творчестве Ив. Уксусова связано то, что он, с большой наблюдательностью раскрывая самые первые толчки пробуждающегося сознания, гораздо слабее показывая последующие более высокие ступени роста людей и расширение их внутреннего мира. Здесь он часто топчется на одном месте и как бы торозит своих героев — у него не достает в этих случаях нужной

7 СЕНТЯБРЯ, В 5 ЧАС ВЕЧЕРА, В ОРГКОМИТЕТЕ (УЛ. ВОРОВСКОГО, 50) СОСТОИТСЯ РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ОРГКОМИТЕТА ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. ГОРЬКОГО. ПОВЕСТКА ДНЯ: ПОДГОТОВКА К СЪЕЗДУ (ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК).

СМОТРЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

МОЛОДОСТЬ КЛАССА „XX ВЕК“ ИВАНА УКСУСОВА

Роман «XX век» Ив. Уксусова посвящен описанию борьбы за пролетарскую революцию на одном из крупнейших металлургических заводов и рудников Донбасса. Рождение и отсталой рабочей среде классового сознания в предвоенные годы гражданской войны — тема романа, а все летопись революционных событий XX века на заводе — его общий и широкий фон. Это двадцатый век, раскрываемый как век борьбы рабочего класса и партии и торжества пролетарской революции.

В ограниченном мире отсталых рабочих, где люди объединены между собой только бытом, соседством и кругом мыслей и чувств их замкнуто узко личными интересами, в тылу у белых армий возникает действие романа Ив. Уксусова. Оно завершается широким движением, превращающим белый тыл в красный фронт, в котором принимают участие все тысячи организованных заводских и рудничных пролетариев.

Десятидневный Фролов, считающий себя революционером, объективно продолжает выражать интерес предпринимателя в тылу, он делает в своей записной книжке всех рабочих на «красные» и «синие» точки, т. е. на хороших и ненавистных ему — других; последние как бы составляют галерею его личных врагов. Неспokoйным человеком и путанным философом бродит по нему главный «ключик» враг Фролова — козвиск Колчанин. Силачка как-то неудовольствием подвечивает покусует над своим подвечиванием. Однако и замкнуто жить подпольщик-медик Миняй Моногаров. Смазчик Ефим Серда тайно мучается своим случайным вступлением в партию меньшевиков, все острее ощущая желание быть вместе с отступившими на север красными.

С такими неопределенными еще героями начинает Ив. Уксусов роман, и он приводит их на последние страницы романа измененными пережитым опытом борьбы, спаянными между собой едиными интересами класса и окруженными массами против белого террора; первое боевое испытание малых групп подпольщиков, отбывающих у белого конвоя приговоренных к расстрелу рабочих; первая встреча двух рядом существующих подпольных организаций, окрашенная торжественной возволавающей переживаний, и, наконец, подготовка и осуществление первого открытого выступления уже сформировавшейся партийной организации на тысячном митинге, завершающемся организацией красногвардейских рабочих отрядов, — вот самые высокие и напряженные точки действия в романе Ив. Уксусова.

Между этими основными эпизодами в романе рассеяно много мелких и верхних штрихов, удачно раскрывающих те новые эмоции, которые испытывают недавно одиночные и разобщенные рабочие, принося к организованному движению своего класса.

Действительность белого тыла накапливает раздражение и в отсталой рабочей среде, и недавний лидер беспартийного соседского клуба десятидневный Фролов ощущает, что он «говорит без толку и совсем не то, о чем нужно говорить, да и вообще что-то новое, загадочное ложится между людьми, чего понять и не понять».

Ищущий пути к красным Ефим Серда встречается с большевиком-подпольщиком Моногаровым и, услышав, что тот «чувствовал» в нем меньшевика, горько бросает в ответ:

— Ни черта ты не чувствовал, чувствуешь преданность и активность, во мне этого еще не было.

В подполье Фролов впервые встречается с книгами Ленина и с этой встречей связан целый комплекс переживаний. «Существование таких книг являлось для Фролова крупной неожиданностью... «Что делать» его ошеломило... На каждой странице он находил для себя что-то новое, быстрое, непосредственно в цель — а их работу и отголоски. И с этой книгой было так же расставаться...»

На новом совещании подпольной организации в пустой шахте Фролов видит горящую, как золото, угольную стену, и «как-то» в совсем понятное «Что делать» в совершенной наготой раскрылось перед ним... Эти неслучайные угольные стены, коксовые печи, промышленность вообще какой угодно ценой должны принадлежать рабочим.

Все эти раскрываемые в романе детали переживаний людей «XX века» характеризуют Ив. Уксусова прежде всего как художника пробождающегося голоса класса, той сложной, навязывавших пролетарской литературе субъективистский «психологизм». Для примера достояние привести неотступно зрительское раскрытие образа Маршики.

С этой недостаточной широтой идейного и культурного кругозора в творчестве Ив. Уксусова связано то, что он, с большой наблюдательностью раскрывая самые первые толчки пробуждающегося сознания, гораздо слабее показывая последующие более высокие ступени роста людей и расширение их внутреннего мира. Здесь он часто топчется на одном месте и как бы торозит своих героев — у него не достает в этих случаях нужной

„Оргкомитет утверждает следующую повестку работ съезда: ...п. 6. О работе с молодыми писателями“

СТАТЬЯ ПЯТАЯ

НА „СМОТРЕ“ ПРОШЛИ:

1. С. Колдунов
2. А. Гайдар
3. Г. Максимов
4. В. Сидоров

широты обобщения и ассоциаций.

И, наконец, недостаточно свободное владение литературной формой сказывалось в самом существенном конкретном недостатке романа — смешении в нем обобщенного и типического повествования с сыровато-торопливой хроникой. Проложивая визкий психологизм в первой стадии своей работы, Ив. Уксусов уклонился в эмпирическое описание всей последовательности часто ничем не характерных событий. Вся последняя часть романа, например, превратилась в описание отдельных босых эпизодов. Отсюда в романе стало тесно от имен, много подробностей выглядит в нем лишними, а многие эпизоды чересчур беглыми. Многие остались только материалом к роману, но не вошли органически в ткань повествования.

Всем этим «XX век» не оставляет впечатления цельного, ослепительного и законченную форму произведения. Первое, что вызывает прочтение романа, — желание что-то сделать, исправить, изменить в нем, чтобы извлечь основные образы, те новые качества, которые чувствовались в процессе чтения, но затерялись в отдельных выхах и хаотических местах повествования. Это ощущение необходимости той работы, которая еще нужна над произведением, чтобы оно достигло полной своей выразительности.

О великой борьбе русского пролетариата будет создана своя эпопея, «XX век» Ив. Уксусова — один из первых ценных и интересных эпизодов к этому будущему большому энциклопедическому повествованию.

БОРИС ЛУНЦ

Как много мы, критики, не знаем... Библиотека колхозного опыта...

ду забито и уничтожено... Свиноводы ударники... СОВНИК...

Вот авторы книжек: П. Оровецкий — коммунист, секретарь районной газеты...

Работали хорошо. Я с начала года заработала 356 трудодней...

Начинают особенно усиленно проверять работу и находят во всем замечательный порядок...

Об этом свиноводы, влюбленных в свое дело... Свиноводы ударники...

Очерки М. Красавина «Убрать во-время и без потерь» очень хорошо показывают силу колхозного примера...

И я действительно умилялся работой, потому что хозяин, ежели увидит, что я умиляюсь...

О чем же они рассказывают? У них одна тема, страстная и единая... Труд — вот их тема...

Вырабатывается новое отношение к труду, к другому человеку... Ф. Панферов рассказывает...

«Разве наши ударники какие-то особенные люди? Если мы все будем по ним равняться...

«Земляной пол, когда-то усталый... «Как получилось, что я победила в соревнованиях свиноводов?»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

«Мне все время казалось, что теперь я так думаю, что не одна я победила в соревнованиях... «Бруски»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

«Бруски» Ф. Панферова, родившись на почве новой революционной действительности... «Труд — вот их тема»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

«Бруски» Ф. Панферова, родившись на почве новой революционной действительности... «Труд — вот их тема»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

«Бруски» Ф. Панферова, родившись на почве новой революционной действительности... «Труд — вот их тема»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

«Бруски» Ф. Панферова, родившись на почве новой революционной действительности... «Труд — вот их тема»...

«...то, что случилось с Марией Петровной, явилось для меня... «Труд — вот их тема»...

«Вся авторы показывают огромную работу партии на селе... «Художественные ли это книжки?»...

ШКОЛЬНИКИ И ПИСАТЕЛИ

О КЛАССИКАХ И ЧАРСКОЙ. — ХОТИМ УВИДЕТЬ „ЖИВОГО ПИСАТЕЛЯ“ — „НЕТ ХОРОШЕГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ“ — КАРТА МАРШУТОВ ПУШКИНА. — ТЕМЫ ТУРГЕНЕВА И ТЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В «Литературной газете» от 5 августа мы познакомили читателей с частью наших наблюдений над читателями, сделанных в порядке предсказовой работы...

Практические шаги в литературе открываются, конечно, стеной газет, за ней классические литературно-художественные альбомы...

Сегодня — речь о читателях-школьниках. Место — Москва, 28-я школа. Школа на хорошем счету: 89 процентов учащихся имеют хорошее и удовлетворительное...

«Ну, кто из вас пишет стихи?» Класс умолкает, и головы лукаво и вопрошающе поворачиваются к одной ученице...

«...Подумать сами: в мой собственный выходной день, когда люди на работе, оно как-то совсем неприлично одеваться, и потому в свой выходной хожу в рабочей одежде...

Шестая группа. Идет диктант и разбор. Разбор строго формален: части речи, спряжения, склонения...

«Остановился Александр Иванович, затанцевал папироской, выпустив дым под ноги и, разбавив рукой клубок дыма, вновь заговорил...

«Замечательная дискуссия началась у ребят по тургеневской теме кулака. «Софрон потому выдвинулся, что он умнее?»...

«Вместе с тем нужно отметить, что авторы этих книжек стремятся к тому, чтобы сделать свое повествование живым, образным, даже сюжетным...

«Очень сильны чувства товарищества у Мишки, детям это нравится, они смеются... «Будем ли мы читать эти книжки?»...

«Они из героев книжки «Организация труда в трудовой бригаде» (авторы — В. Гринев и В. Лебединский) — работники Калачевского района ЦЧО...

«Переходим к темам гражданской войны. Тут у всех знание Серафимовича и Фурманова. «Красные тогда были казаками?»...

«Многие страницы «Твердой поступью» отдают суровым разоблачением крестьянства, вскрытием вековых кулачества...

«Никита Гурьянов стоит перед нами, как живой, он должен войти и войдет в нашу жизнь, как обобщенный художественный тип...

«В панферовском романе не обычная картина пьянства в деревне, здесь потрясающее по своим размерам пьянство собственников...

«Панферов показывает картины мучительного прощания мужика со своей собственностью... «Если дворянин-писатель в сущности в своем барско-сентиментальном, снобистском отношении к крестьянину глубоко презирал мужика?»...

«Если буржуазный писатель даже понимал до разоблачения идеологии деревенской жизни, то, стремясь в то же время укрепить в крестьянине его дикое, звериные, косные черты...

«И вот — уже Никита Гурьянов издается над разбитым Плакушеским: «Вот куда какая... а-а!»...

ПЕТР САЖИН, „БРИТАНСКИЙ ПРОФИЛЬ“

Изд-во писателей в Ленинграде

Наша литература должна дать образы людей морей и океанов. Они нужны, ибо мы не можем не любить людей отваги и смелости...

ЛЕВ ВАЙСЕНБЕРГ, „ЧАСЫ“

Изд-во писателей в Ленинграде

Людям разных профессий и стран, проходил в рассказе Льва Вайсенберга. Строительство канала в Средней Азии...

М.Х. ЛУЧАНСКИЙ

«Карле и Наджаре, где документальность записей Либхнехта явно перекрывает повествование, ведущееся автором...

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

«Нет, широты у него не хватало. У него собственность чувств... Произведение запоминается хорошо...

ОТ РЕДАКЦИИ: За последние месяцы ряд советских писателей работав в школах...

«Никита Гурьянов стоит перед нами, как живой, он должен войти и войдет в нашу жизнь, как обобщенный художественный тип...

Ва тесную связь писателя и ученого

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА

У Синклера Льюиса есть роман «Мартин Эрроумит» — история бедствий и удач молодого бактериолога. Очень жаль, что перевод его на русский язык прошел незамеченным. Он интересен не столько углом зрения, под которым показано главное действующее лицо (в других романах Синклера это сильное), сколько превосходным умением использовать научный материал. Говорят, что книга эта написана с помощью одного знаменитого бактериолога, между тем самый опытный глаз не различит границы между писателем и ученым.

Я не собираюсь ставить этот случай в пример, потому что наши задачи сложнее. Но все же здесь есть над чем подумать.

Вс. Иванов советовал как-то учиться писать у Хабеникова и акад. Павлова. О Хабеникове — особый разговор, но насчет Павлова он был прав.

Книги Павлова на первый взгляд написаны тяжелым и неуклюжим языком, но стоит всмотреться — легко заметить, что эти черты не мешают, а помогают ему передать, а нам понять мысль. В прозе эти черты соответствуют до некоторой степени той общности, разговорности, которой с такой старательностью пренебрегают наши беллетристики.

Но если даже не захотят так далеко и не настаивать на том, чтобы писатели учились у физиологов и анатомов, то все же многого стоит у них поучиться.

Самый простой рассказ о том, что происходит в лабораториях Павлова, Бавилова и Иоффе, может показать, какой увлекательный и, можно сказать, бесприоритетный материал до сих пор не использован в нашей литературе.

И дело здесь не только в том, что о замечательных работах и замечательных людях, двигающих вперед нашу науку, можно написать несколько хороших книг. Дело в том, что самые принципы научного творчества — недаром изучение их с такой полнотой отражено в литературе (Бальзак, Золя). Это изучение затрагивает не только основы мировоззрения, уже само по себе обогащает мысль, наталкивает на возможность создания новых и, что особенно характерно, необычайно расширяет круг литературной тематики. Социальная география советского ученого — это, кажется, единственная тема, над которой работали наши беллетристики и драматурги. Но работа шла лишь в общих чертах, а между тем са-

То, о чем не пишут

Есть один участок нашей бурно растущей социалистической культуры, который почти не отражен в художественной литературе. Это — труд врача, стража и борца за охрану здоровья людей, по определению М. Горького. Это — работа многих тысяч медработников по ремонту живых людей. Это — разнообразнейшая исследовательская работа научно-медицинских учреждений, в громадном большинстве рожденных Октябрьем. Здесь вырастают и формируются новые социальные типы работников здравоохранения. Они пришли на смену heroicким героям. Они живут и действуют рядом с нами. Но мы еще не воплотили эти коллективы и типы в художественные образы.

Малоизвестно, что советские медработники были первыми пионерами непролазных сибирских тундр, снежных пустынь заполярного круга, казакстанских степей, неприступных горных местностей. Отчеты о работе в архивах советских экспедиций (в архивах Наркомздрава и Комитета Севера) таит огромные залежи потрясающего материала, ждущего художников слова. Массы должны знать о героической работе этих экспедиций. Первый глянцевый словарь и грамматика составили советские врачи сахалинской экспедиции. Они научили гилаков печь настоящий ржаной хлеб, шить одежду не рыбьей костью, а на швейной машинке. Первую советскую больницу за полярным кругом (в Хальмерседе) таит неведомый организатор врач Р. М. Норкина. На полуострове Ямале у Ледовитого океана выстроенный санпропускник перевернул вверх дном весь уклад русской жизни. Рассказ одного лектора, впервые зашедшего примус под стерилизатором в глухом стойбище на Чукотке и поразившего экспосомов проекционным фонарем и картиной, — не только сюжет для «экзотической» повести, но и иллюстрация мощной поступи социалистической культуры.

Но московским писателям можно и не гоняться за подобными исключительными сюжетами. На Сухаревской площади расположено здание бывшей Шереметьевской больницы, перестроенное в 1975 году с участием знаменитого зодега Кваренги. Какой изумительный материал, достойный художественного отображения, заключен в стенах величественного здания с портиками и колоннадой! Там развернули свою научную и практическую работу московский институт неотложной помощи, носящий имя знаменитого московского хирурга Скафидовского, и станция скорой помо-

ПРОФЕССОР МЕДНИКОВ ЧИТАЕТ БЕЛЛЕТРИСТИКУ

«Наши литераторам плохо знакома, а то и совсем незнакома ответственность, перед матерьялом». М. ГОРЬКИЙ. «О кочке и точке».

Профессор Медников подошел к капитану Вороницу.

— Я что-то устал, — сказал он. — Разбудите меня, Василий Иванович, когда примете на борту наших детчиков. Я пойду.

Профессор Медников заперся в своей большой походной каюте-лаборатории. Он долго не мог заснуть. Он взял со стола несколько книжек очерков и рассказов о Севере, подаренных ему корреспондентами. Он пробовал их перелистывать, ища поддержки, но его привычному глазу попадались нелепые, раздражающие места (некоторые из них были уже отмечены карандашом).

У одного писателя Арктика была названа «мировым складом бронхитов, гриппов, насморков» (?). У него же пилот «запеленговал» направило по едва видимому в тумане клочку земли. У другого — ледокол «Седов», выйдя из Архангельска ранней весной (когда над Карским морем еще видны северные сияния), вез в Сибирь зерно в обмен на пушнину и вдобавок встретил пародокс, идущий обратно (профессор Медников засмеялся). В третьей книжке «героя» судло ветром под обрыв, к морю, и, новое несчастье, здесь героя настигли огромные волны... — Но какие же волны, раз ветер с берега?

Самые удивительные вещи рассказывала одна писательница в книге «У белого пятна». Поля этой книги были особенно грубо исчерчены чьими-то пометками. — Вероятно, Со укал читал, — подумал профессор Медников. — Штурман — любитель чтения и анекдотов.

РАЗГОВОР НА ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ: Первый белый медведь: Ну и написал же о нашей территории! Второй белый медведь (меланхолически): Бывает и почище!

Операционные институты оборудованы по последнему слову техники. Тут мы определили и американских хирургов. Один первый поставил проблему радикальной борьбы с язвенными болезнями, ввел новые методы оперирования язв желудка и двенадцатиперстной кишки, провёл их на колоссальном материале и в сильнейшей степени снизил смертность от этих болезней. Удачные операции зашивания сердца при ножевых ранениях в зарубежных клиниках числятся единицами, и в научной литературе они все наперечет. В институте их насчитывают десятками.

Отделение травматологии, руководимое проф. Горинцевой, применяет ряд чисто революционных методов. Переломы позвоночника, причиняющие невероятные страдания, раньше лечили покоем (бездеятельность), зашивали больных в гипсовые корсеты, обрешаки на долгие неподвижные лежания. Истинно гениальное лечение — движение и правильными физкультурными упражнениями. Больные выздоравливают скорее и лучше. Работы института на страницах научной печати вызывают огромный интерес.

Картина В. Яковлева (выставка «Художники РСФСР за XV лет») красочно запечатлела момент производственной работы в операционном институте. Ошибся Б. Бухарин, написав в своей статье, что Яковлев дал «мотив вскрытия». Лежащий на операционном столе обескровленный больной сейчас будет «отрепетирован» и будет жить.

«Очерки» за художниками слова — это незначительная в книгах изумительную работу наших медработников, этих инженеров и техников здравоохранения.

«Японские моряки, когда в опасный момент на пароходе оказываются женщины, выбрасывают ее за борт».

— Глупые сказки! — нахмурился профессор Медников.

«Стехов поспешил протянуть руку погибающему, но в этот момент нерпы откусили его товарищу нижнюю часть туловища».

— Что это такое, «нижняя часть туловища»? — пытался представить профессор Медников. — Какую такую часть тела может моментально откусить столь небольшое и пушистое существо, как нерпа? Вот, ведь, пишут люди!

Жирнее и радостнее других мед было отчеркнуто странное сообщение. Речь шла об удачной охоте на белого медведя.

«Раскрыв медведю пасть и засунув в него по локоть руку, как зурьковский вырвал язык. Затем отрезал половые органы и разрубил их на мелкие кусочки. Со всех сторон к кастрирующей тянутся жадные руки за своей долей отвратительной частицы. Ничего не понимая, с отвращением смотрю, как окровавленные кусочки тут же ссыпаются в матрасы. Семенные железы медведя, как я потом узнала, считаются на Севере могущественным средством от полового бессония».

Итак это матросы-то наша? Да они и так не знают, куда деться... Седенье желез через некоторое время опять появилось на этот раз в более привлекательном виде: «Вечером в кают-кампанию подали железные медведя, поджаренные на сковороде, и только немногие отказывались от этого угощения».

— Дятел! — вспомнил профессор Медников. — Наш старший буфетчик Дятел! Ну да, когда ледорез «Лидя» ходил к этому «белому пятну», Дятел был на нем буфетчиком. Так вот почему его донамотали этими медведями «железами»? Соукал как-то раз, когда Дятел подает второе, спрашивая: «А это не медведь... железный? Зачем подавал на «Лиде» медвежий желез?» И каждый раз Дятел подробно дока-

Книги и авторы научной фантастики

Уже давно говорят о необходимости научной фантастики как особого жанра нашей литературы. Однако в советской литературе научная фантастика занимает пока скромное, почти незаметное место.

Интерес к научной фантастике среди массового читателя очень велик. Уэлс и Жюль Верн значительны до дыр. То же немногое, что создано в советской литературе, до читателя не дошло, а если и дошло, то мы не знаем, как принять его наш читатель. Критика молчит. В этом жанре наших писателей сделано немного. Так, техника скажи грамотно и неплохо написан рассказ для подростков С. Граве «Путешествие на луну». Произведение А. Палея «Планета Ким» оперирует серьезными научными данными и, несмотря на бедность зарисовок, читается с интересом. В повести А. Ярославского «Аргонаты вселенной» много научных и технических явлений, холодная романтика, уклон в мистику, в оккультизм. В замечательной пьесе «Золото и мозг» Анаст. Глебова действие, к сожалению, разворачивается в Западной Европе: пьеса — скорее политический памфлет вокруг технической проблемы, чем научная фантастика в подлинном смысле слова. Совсем не замечена оригинально написанная книжка М. Пруссак «Гости Земли».

Необходимо привлечь общественное внимание и внимание писателей к этому жанру. Наука и техника в разнообразных областях своих — на грани небывалых открытий. Размах нашего напряженного строительства не может не будоражить творческую фантазию, жаждущую потребности заглянуть в будущее. Идея, сюжеты носятся в воздухе.

Писателям нужно по-настоящему серьезно и надолго посягнуть себя научной фантастикой. Научно-фантастический жанр требует от автора всесторонних и глубоких знаний, научной эрудиции, добросовестного изучения материала. Научно-фантастическая халтура безобразна вдвойне. Но и знаний и научной эрудиции недостаточно. Можно с интересом читать старую фантастическую повесть К. Э. Цюльковского «Вне Земли». Необычайна тонкость и научная прозрачность одаренного изобретателя, но ему недостаёт художественных средств. Научно-фантастический жанр их по-настоящему мастерству. Здесь Жюль Верн как выразитель настраивает восходящий класс ближе к нам, чем Уэлс. У обоих авторов технические и научные факты, закономерности и возможности тесно вплетены в увлекательный сюжет, люди даны с осязаемой телесностью, и читатель на минуту не сомневается в их реальности. Чтобы избежать отвлеченных построений, оба в противоположность А. Богданову (роман «Красная звезда») притягивают будущее к живым людям, окружающим нас сегодня. Но и опыт А. Богданова ценен. Трудно дать вполне конкретный и с правдоподобием реальности будущим людям нашей Земли хотя бы под видом марсиан. Тем не менее социально-утопический (вернее, научно-социально-фантастический) роман нам нужен.

В. Яковлев. «В операционном зале». На выставке «Художники РСФСР за 15 лет».

Деловой разговор

Один молодой профессор занимается изучением деятельности левостороннего сердца. Он производит какие-то опыты, сидит над прибором, записывающим работу сердца, задумчиво чертит какие-то графики и диаграммы. Что-то у него там не сходится, он возмущается и ищет исследует и свое собственное сердце.

В молодого ученого влюблена без памяти его помощница — одавательная белокурая женщина. Она предлагает ученому для исследования свое сердце. Стрелка прибора показывает, профессор в недоумении. Ассистентка разясняет, что эти перебои — любовь. Она предлагает профессору свое сердце навсегда — и для опытов и для других надобностей. Профессор интересуется только опытами. Тогда женщина вынимает револьвер и стреляет в него, а потом в себя. Падающая профессор соединяет себя с автоматическим прибором: стрелка чертит затухающую кривую... Кривая остается для науки... Finis...

Все это у немцев называется научно-художественным радиофильмом. Научным, очевидно, потому что героем его является ученый, а художественным — потому что героиня его красивая белокурая женщина.

Такие вот «научные» художественные произведения изредка пишутся и у нас. Наука берется в них не как тема, самостоятельная и дикущая, а всего лишь как фон, как орнамент, современный оригинальный орнамент, поновому оттеняющий старинные душевные коллизии героев.

Профессор любит или профессор не любит. Профессор любя переживает или не переживает. В лучшем случае профессор переключается на работу, но всегда, при всех условиях об этом профессоре пишут так «тактично», чтобы читатель ни за что не догадался, чем занимается этот про-

фессор, что он изобретает, как и почему это ему не сразу удается.

Наука, методология и технология советской научной работы («защелканы» у наших авторов выступают перед читателем почти как средневековые алхимик: где-то такое что-то такое кинуть, нагнать, смешивать, пускать в ход какие-то конденсаторы и выпрямители, мучаются, переживают и потом внезапно выясняется, что формула багистательно «не удалась» или «удалась». И так как читатель в этом деле никак — даже приблизительно — не разбирается, то ему в сущности почти безразлично, удалась или не удалась опыт. Лишь бы герой, с которым он сыграв за тридцать листов чтения, не очень пострадал в результате неудачи. А если герой нашел себе к тому же под конец романа симпатичную подружку жизни, то читатель вовсе утешен.

Такое, к примеру, последний роман Леонова с главным действующим лицом — знаменитым ученым Скутаревским.

Мы имеем, с одной стороны, ряд откровенно антинаучных художественных произведений вроде «Аэлиты» или «Гиперболоида инженера Гарина» Толстого и, с другой стороны, целую серию псевдонаучной беллетристики, которая использует науку, людей науки и их жизнь только лишь как новый бытовой фон для старых общечеловеческих тем — любви и смерти, брака, семейных отношений, проблемы личности и т. д.

Настоящая научно-художественная литература, литература, дающая и науку и людей, строящих ее, в процессе работы, стоит перед собой как задача. Интересная, увлекательная задача, не решаемая, конечно, сразу, одним взмахом пера, а одним вздохом фантазии, и не такая уж трудная, какой она представляется некоторым.

Мы имеем достаточно людей, владеющих научным материалом, имеющих, что рассказать широкому советскому читателю, но не умеющих литературно рассказывать, и имеем, с другой стороны, людей, умеющих писать, владеющих пером и формой, но не владеющих материалом. Наши писатели, гуманитарии, может быть, и очень образованные люди, — технически зачастую вопиюще неграмотны.

Тем не менее совершенно ясно, что организационно все же гораздо легче помочь писателям овладеть научным материалом, нежели сделать из серьезного ученого увлекательного писателя...

«Наука в СССР, больше чем где бы то ни было, знает свое будущее. Ученые у нас предвзятый свои открытия, изобретатели планируют свои победы. Пути и проблемы советской науки сейчас в тысячу раз более «фантастичны», чем буржуазная наука эпохи становления капиталистической техники, наука, которой пользовался как отправной точкой для сюжетов своих романов Жюль Верн. Наука у нас сегодня поистине «на грани фантастики» и переступает эту грань ежедневно, ежеминутно. Ее путь, ее быт, ее люди, ее будущее в социализме — неисчерпаемый источник нужных и интересных тем, замечательных сюжетов, блестящего литературного податливого материала.

Работа над научной темой потребует от писателя, конечно, прежде всего общего знакомства с предметом. Пусть не пугаются товарищи: для начала не больше чем в объеме курса средних учебных заведений. Дальнейшее — в процессе овладения материалом, с техническими консультациями, появляясь само собой.

Второе необходимое условие — ясно осознанная и точно поставленная перед собой цель работы и полная координация по этой цели всех литературных средств. Сюжетная пружина должна быть найдена

в самой научной или технической проблеме, в борьбе людей за нее, в работе над ней. И самые герои — не рыцари и монстры научного мира, какие-нибудь чудики и оригиналы и обаятельные люди, серьезные и настоящие, преданные своему делу работники. Тут перед писателем стоит задача — отобрать и подчеркнуть типичные черты этих новых людей науки, советских ученых и техников.

И, наконец, последнее — при переходе на научную тематику писатель должен отказаться от замкнуто-кедешных привычек работы. И в разработке идеи и плана произведения, и дальше в процессе работы писатель не должен отказываться от общественной проверки, советов и помощи специалистов. И эта помощь не должна оставлять писателя вплоть до последней ответственности и утилитарности вещи перед ее напечатанием.

Работая над романом, писатель должен помнить, что его основная, центральная задача — не доказать во что бы то ни стало какую-то новую оригинальную свою (!) точку зрения на что-то такое, а только лишь рассказать увлекательно и понятно о тех силах, тайну завоевания которых сбывают день за днем рабочие и командиры науки, и о том будущем, которое открывается за этой работой для всего человечества.

Всего-навсего!

И это очень много...

На предложение издательства писатели мнут, раздумывают, отказываются и... отказываются. Не, которые подписывают договор, однако не пишут. Договор чистый год расторгается, листок говорит в издательстве, освобождается, редакторы снова бросаются в поиски мастеров, предлагаемых темы, сюжеты, деньги, договора... Печально зрелище!

В чем же тут дело?

Мои наблюдения сводятся к следующему:

Первое: товарищи ленятся поработать над малознакомым материалом.

Второе: товарищи считают это дело малозаметной и маловыигрышной работой. У нас еще до сих пор принято думать, что истинная художественная литература занимается проблемами личности, семьи, любви и смерти и тому подобными возвышенными темами. А тут нечто вроде искусства второго сорта. Критики не ищут об этом статей, толстые же журналы не начинают с них номеров, не протестуют и не заказывают этих вещей, книги эти не могут выйти в ряд так называемых «ведущих». Стоит ли стараться?

Самым серьезным препятствием из перечисленных выше я считаю второе: недостаточное внимание критики и литературной общественности к этому делу. Устраняя это основное препятствие, мы легко сможем сломить первое.

Вывод: одновременный поворот к этому делу издательства, критиков, редакторов, научных и хозяйственных учреждений, литературных общественных организаций, всей литературной общественности выдвинет на достаточную высоту все политическое значение этого дела и разбудит интерес к нему у писателей.

Остальное, по моему мнению, приложится.

В. КАТАНЯН

Значительный этап

К итогам всесоюзного съезда литкружковцев-печатников

Ни в какой мере не приходится удивляться тому обстоятельству, что центральное внимание прошедшего съезда литкружковцев было уделено руководству массовым литературным движением в СССР.

Как выяснилось на съезде, профсоюзные организации весьма мало повинуны в тех успехах, которые это движение до сих пор имело и которые, конечно, могли бы быть значительно больше, если бы движение не было предостережено всеми частями рабочего строя.

К счастью, такое явление не типично для армии литкружковцев. Большинство из них отлично успевает себе всю трудность стоящих перед ними задач.

Тут, правда, имеется своя, довольно сложная «заковыка»: до сих пор приходится довольно часто только мечтать. Проборство же иногда невозможно из-за непомерной высокой цены.

Безобразной политике цен, проводимой издательствами, должен быть, конечно, положен решительный предел, и правильно поступил съезд, да ЦБ писателей наказ разработать в срочном порядке вопрос о формах контроля над деятельностью издательства.

Немало внимания уделено съездом и вопросам подготовки к съезду писателей. Темы подготовки, констатировали кружковцы, слишком еще медлительны.

Достоинством ответа на такого рода вопросы явились выступления т. Ф. Панферова, В. Ставского, В. Ильенкова и др. Они говорили о новом типе писателя, который должен учиться занятию жизни не у энциклопедии, а у величайших классиков, вроде Гете и Байрона.

Будем считать это неизбежным условием развития литературы. Они не должны заслонять того положительного, что это «издательство» несомненно дало. Первый всесоюзный съезд литкружковцев-печатников — это важный этап в истории массового литературного движения.

Як. ЭЙДЕЛЬМАН

Выводы из поездки писателей на БВВП

Одновременно с выпуском специальной поездки писателей в БВВП (Беломорско-Валдайский канал) № 40 «ЛГ» от 29 августа, редколлегия «Литературной газеты» в заседании 29 августа подвела первые предварительные итоги этой поездки.

Первым выводом поездки должно явиться усиление удара по литературному движению и жизни и т. д. Должна быть усилена роль и участие критиков в подобных поездках. Опыт удачной поездки писателей на БВВП должен быть распространен и на другие стройки.

Обмен мнений дал ряд практических предложений, которые включены в редакционные планы «Литературной газеты».

И. БАБЕЛЬ ПРИЕХАЛ В МОСКВУ

30 августа возвратился в Москву после путешествия по Франции и Италии писатель И. Бабель. Во время своего пребывания за границей он был занят большой литературной работой, которая сейчас подходит к концу.

В ближайшем И. Бабель планирует подготовить к печати специальный сборник новых рассказов. Некоторые из этих рассказов уже написаны. Автор начнет печатать их в журналах, начиная с октября.

Приказом А. С. Бубнова организационный совет Центрального литературного музея в составе т.т. Бонч-Бруевича, Лупова, Невского, Динамова, Воина, Кириотина и Юдина. Председательствованию в совете нарком взял на себя заместитель наркома т. Бонч-Бруевича.

Секция детской литературы работает при зап.-сиб. организации ЦСП. Секция связалась с работниками краевого института коммунистического воспитания, детских библиотек и детдомов. Проведен ряд докладов и читка новых произведений членов секции.

По инициативе ВЦСПС и ЦБ писателей Профиздат приступил к изданию периодического сборника клубного репертуара для клубных и деревенских площадок. Первый сборник выйдет к октябрьским торжествам.

«Молодая гвардия» выпускает в этом году сборник критических статей о 15 молодых писателях: Шведове, Платье, Бутковском, Айткуеве, Овалове, Деметеве, Ситковском, Б. Левине и поэтах «стремлого призыва»: Смелякове, Сидорове, Сухарева и др.

Госиздат Грузии издает на грузинском языке пьесу В. Вишневского «Оптимистическая трагедия» в переводе М. Чагарили.

Пост А. Жаров провел организационно-массовую работу среди литературных кружков и организаций Ярославля. Была организована беседа поэта с начинающими писателями завода синтетического каучука, на которой была разобрана продукция молодых. В ряде выступлений (на текстильной фабрике «Красный Перекоек», в техникуме и учкомбинате, у комсомольцев) поэт читал свои произведения.

ОПЫТ РАБОТЫ ПИСАТЕЛЬСКОЙ БРИГАДЫ В ДОНБАССЕ

Секретариат Оргкомитета заслушал 3 сентября сообщение бригады писателей об итогах ее работы в Донбассе.

Массовое литературное движение в Донбассе недостаточно развернуто. Литкружкам не оказывается нужная помощь. Украинский оргкомитет, украинская «Литгазета», профсоюзы очень мало помогают литературному Донбассу.

Между тем шесть крупных произведений печатаются в журнале «Литературный Донбасс». 300 консультаций провел этот журнал. 30 книг дали в этом году писатели Донбасса.

Донбасс ждет от писателей помощи. Стоит вопрос о создании областной оргкомиссии писателей в Донбассе. Комсомол Донбасса обратившийся к советским писателям с призывом создать художественные произведения о Донбассе, ждет от писателей реализации их обещаний.

Бригада писателей, работавшая в Донбассе (И. Жига, Н. Ляшко, Я. Смеляков, Д. Фельдман), внесла ряд практических предложений по развертыванию литературного движения в Донбассе.

Тов. Колосенченко (редактор газеты «Комарчак») отметил значительную работу, проведенную писательской бригадой в Горловке, и завещал Оргкомитету, что при его содействии и помощи партийные и профессиональные организации и печать Горловки обеспечат подлинный подъем и расцвет массового литературного движения района.

В. Кириотин предложил создать к съезду совместный альманах московских и донбасских писателей, поместить в журналы критические статьи о книгах писателей Донбасса.

П. Юдин, подводя итоги работы писательской бригады в Донбассе, обратил внимание Оргкомитета на необходимость постоянной систематической помощи Донбассу. Для этого выделяется постоянная группа Оргкомитета в составе: И. Жига, Н. Ляшко, Я. Смеляков, В. Фельдман и А. Селивановского. Оргкомитет посылает на всеобщее совещание писателей (в октябре) делегацию писателей. В Москве будет организована встреча московских писателей с руководящими партийными работниками Донбасса. Лучшие произведения донбасских писателей будут помещены в центральной печати.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРМИИ

Секретариат Оргкомитета заслушал сообщение т. Абова о состоянии литературной работы в Армии. Для укрепления и развертывания литературного движения в Армии Оргкомитет поручил группе по армянской литературе в двухмесячный срок написать статьи с критическим разбором произведений армянских советских писателей, переведенных на русский язык, выявить новые армянские художественные произведения для перевода на русский язык. «Литгазета» даст полосу армянской литературы.

РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ЯРОСЛАВЛЯ В ОРГКОМИТЕТЕ

На заседании секретариата Оргкомитета пришла рабочая делегация во главе с председателем оргкомитета ЦСП Ярославля т. Б. Завьяловым. Рабочая делегация Ярославля выдвинула перед оргкомитетом ряд требований для области оживления литературной работы одного из крупнейших промышленных центров.

Ярославль имеет ряд крупнейших заводов: «Синтезкаучук» (СК), Резинкомбинат, автозавод, фабрику «Красный Перекоек», — говорит т. Завьялов. — На ряде этих предприятий созданы литкружки. Из среды молодых писателей т.т. Д. Горбунов, Б. Пискарев, Ивчук и

ОТКРЫВАЕТСЯ КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

К 15 сентября будет закончен капитальный ремонт бывшего помещения клуба писателей, куда передвинута вся организация и аппарат Оргкомитета (ул. Воровского, 50) будет открыт Дом советского писателя.

Секретариат Оргкомитета избрал клубную комиссию в составе т.т. П. Павленко, А. Новикова-Прибоя, А. Малышкина, А. Тарасова-Родионова, В. Лидина, В. Кириотина, Ю. Березовского и Клейменова (Оргкомитет), которой поручено в деканский срок разработать положение о Доме советского писателя.

ЖУРНАЛ «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

В скором времени начнет выходить новый литературно-художественный журнал «Великий перелом». Этот журнал объединит вокруг себя поэтов, драматургов и критиков, пишущих о социалистическом деревне.

Оргкомитет поручил редакциям журналов «Литературная газета» и «Литературный Донбасс» оказать необходимую помощь журналу «Великий перелом» в подборе литкадров и популяризации его работы.

Оргкомитет поручил редакциям журналов «Литературная газета» и «Литературный Донбасс» оказать необходимую помощь журналу «Великий перелом» в подборе литкадров и популяризации его работы.

Встреча писателей с комсомольцами

В Бауманском райкоме ВЛКСМ по инициативе редакции «Молодой гвардии» состоялось расширенное совещание бюро райкома комсомола с писателями и критиками.

Наша молодежь имеет право на большее внимание к ней со стороны писателей. Бедна вся в той мере секретарь райкома т. Сидоров, что наша связь с писателями еще недостаточно крепка. Писатели либо вовсе обходят нас, либо знают нас слишком поверхностно.

М. Колосов затронул вопрос о том, что комсомольский актив не использует художественной литературы в своей работе.

Отмечая, что комсомольцы недостаточно читают художественную литературу, т. Колосов говорит: нужно добиться того, чтобы комсомольцы были так же стыдно не читать, как ему стыдно сейчас не читать ударинок на своем производстве.

Тов. Болчиных (секретарь комсомольской ячейки мебельной фабрики) отметил, что в Красной армии он больше читал, чем теперь.

В Красной армии с нами заимались, теперь же у нас нет руководителя. А так как времени у нас в обрез, то хотелось бы тратить его только на настоящую, стоящую книгу.

Выступавшие в прениях члены бюро райкома и секретари крупных комсомольских заводских ячеек отмечали своевременность и полезность встречи с писателями.

Литкружки на заводах

1 сентября началась зима литературной учебы в литкружках. Перед зимней учебой Оргкомитет провел 28 августа общесоюзный съезд руководителей и секретарей литкружков.

На съезде с речью, посвященной массовому литературному движению, выступил секретарь оргкомитета ЦСП СССР т. П. Юдин.

Мы еще не знаем как следует говорить т. Юдин, — творчество писателей братских республик, ни кадры массового литературного движения. На днях на совещании под председательством А. М. Горького Оргкомитет решил для изучения литературы народов СССР создать ряд групп писателей и критиков.

На русский язык должны быть переведены лучшие произведения литературы народов СССР — лучшие произведения русских советских писателей. Аналогичные группы создаются по драматургии (изучение и оценка советских пьес, идущих в театрах, изучение нашей драматургии), по поэзии и по работе с начинающим автором (руководитель группы В. Ставский).

Нам надо изучить, как работают начинающие авторы и особенно работники руководителей. Это — наиболее слабое звено в литературном движении. Мы еще мало помогаем начинающим авторам.

Квалификационные писатели должны в повседневной работе повысить общий идейно-художественный уровень молодого автора. Надо изжить неформальное явление, когда начинающий автор получает «признание» только после того, как его напечатал в толстом журнале.

Наша журналистика, издательства еще не ведут тщательной работы по изучению произведений молодых авторов, работников предприятий и колхозов.

Тов. Юдин особо остановился на роли профсоюзов в области руководства литкружками.

Неправильно, что Оргкомитет брал на себя всю организационную ответственность за работу литкружков на предприятиях. Оргкомитет не имеет никакой возможности всю эту огромную массу кружков и людей организовать.

Оргкомитет должен перейти к непосредственному руководству литкружками, начиная с профсоюзов. Литкружки должны быть созданы в каждом цехе, в каждой бригаде, в каждой мастерской.

Литкружки должны быть созданы в каждом цехе, в каждой бригаде, в каждой мастерской. Литкружки должны быть созданы в каждом цехе, в каждой бригаде, в каждой мастерской.

ИЗВЕЩЕНИЯ

5 сентября, в 10 час. утра, в Библиолекторе (Сретенка, 8) ГИХЛ созывает совещание писателей и библиотечек. Повестка дня: доклад т. Фролова о качестве продукции ГИХЛ за первую половину 1933 года и о плане изданий на 1934 год.

6 сентября, в 19 час., в Оргкомитете (ул. Воровского, 50) состоится интернациональный вечер встречи молодых писателей, организуемый ячейкой ВЛКСМ и Москгоркомом. Приглашаются члены «Огонек», «Рост» и литкружковцы. В повестке дня — молодежь на Западе (Г. Кин) и литературные выступления.

7 сентября, в 11 час. утра (Никольская, 10/2) ГИХЛ и группком писателей и литкружковцев по обсуждению плана изданий ГИХЛ на 1934 год — доклад т. Фролова.

ПОПРАВКИ

В статье Конст. Фелдына «Язык литературы» в № 39 нашей газеты напечатано: «Мне кажется, нашей стране свойственно понимание формы художественного произведения как метода разрешения идейной задачи». Следует: «Мне кажется, нашей литературе свойственно» и т. д.

По просьбе автора статьи «Марксистская наука» Я. Г. Дорфина (альманах № 2) редакция альманаха «Год XVI» сообщает, что заголовок этой статьи дан редакцией, а не автором.

Адрес редакции

Москва, в Тверской б. 25. Дом Герцена, 3 этаж. Тел. 2-80-12

Изд-во «Молодая гвардия»

Ю. GERMAN ВСТУПЛЕНИЕ Изд 3-е 1933. Стр. 453. Цена 3 р. 50 к.

Вышла из печати и на днях будет расослан подписчик журнал ГИХЛ

Вышла из печати и рассылается подписчикам журнал «Молодая гвардия»

Вышла из печати и рассылается подписчикам журнал «Литературный Современник»

НА ИСТОРИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ

О РОМАНЕ Ф. ПАНФЕРОВА «ТВЕРДОЙ ПОСТУПЬЮ»

НАЧАЛО — СМОТРИ СТРАНИЦУ 2

Никита над разбитым Плакущевым, издаваясь тяжело, хотя и юродству, впрочем, потому, пожалуй, юродству, что уже где-то глубоко в сознании таится догадка, что разбитый Плакущев — это какой-то разбитая часть его самого. Никита Гурьянов. Быть может, уже, хотя и очень смутно, едва уловимо, Никита ощущает в разбитом Плакущеве крах своих современных чаяний, крушение своей привившейся мечты, ибо если бы не был разбит Плакущев, может быть, он, Никита, «поднялся бы, «дород бы до него! И этот путь теперь закрыт навсегда. Он никогда не станет Плакущевым. — Никита Гурьянов!

Мы говорим, что советская литература должна стать подлинно народной.

Создать образ героя из миллионов масс пролетариата и колхозников, творящих дело социалистического переустройства страны, — это коренная задача пролетарской литературы. Нашей советской литературе нет надобности мечтать о таком образе, «конструировать» его, измышлять его, — ей нужно «лишь» увидеть его в жизни, хотя и для этого художнику необходимо многое и многое. И «Твердой поступью», без сомнения, несет с собой контуры подлинного литературного героя масс, — я имею в виду созданный Панферовым действительно замечательный образ романа и, пожалуй, всей нашей современной литературы Кирилла Ждарикина.

История Кирилла Ждарикина, в прошлом крестьянина-середняка, после Октябрьской революции становится историей рождения нового человека. С самых разных сторон показывает Панферов этого большого, на редкость здорового и полнокровного человека, ищущего новую большую радость жизни вместо кучей «радости» загнивших, зачухавшейся жизни, растущего и зреящего Панферов с большой теплотой

и любовью к своему по классу и делу человеку дает картины и эпизоды роста Кирилла как нового человека, доброго, здорового, жизнерадостного, ненавидящего старую деревню-могилу, борющегося за ее переустройство, за новую жизнь, за человека, восторженно развитого и восторженно живущего.

Растут, показывает роман Панферова, новые люди новой деревни, растут между ними на почве единого дела новые связи.

«Твердой поступью» — произведение о человеке, о людях, о судьбе миллионов, я бы сказал — произведение большой человечности. Здесь звучит забота о человеке, которого надо во что бы то ни стало вырвать из проклятого рабского прошлого, которое растаптывало человека деревни, делая его слепым рабом земли, жаждим и трусливым и бездумным рабом денег, насилия, накопления.

«Души надо выправлять, души, — они много значат», — говорит Богданов Кирилла. И эта забота о человеческих душах звучит в «Твердой поступью» как один из основных мотивов романа, смогших родиться лишь в искусстве социалистического реализма, ибо пролетарский писатель, зная ужас, мрак, убожество крестьянской жизни, не ужасается, не опускает руки, как Чехов или Бунин, не зовет патриархальными, как Гамсун, он зовет сломать строй, породивший ужас, мрак, бедную крестьянскую жизнь, и двинуть вперед миллионы, на ходу, в пути, в движении, в борьбе «выправляя души».

Панферов в своем романе показывает, как чрезвычайно многообразно действия классового врага в деревне: это доподлинно «обезоудно лежат» на поле кучки неубранного колхозного хлеба; вот — несетса

большой табуи колхозных лошадей, преступно отпущенных на волю «за ненадобностью», и «обильных небывалых, свежих пшеник; вот полые заборы, борющиеся за себя против «дешевых» деревенских классов: «Мы-де одна семья; вот пручит и укрывает хлеб во время заготовок; классовый враг стихой спой» вредит через агронома Борисова, интересы классовый враг заставляют белогвардейца полковника прикннуться юрским монахом для целей своей антисоветской деятельности и агитации; вот действия классового врага в развале колхоза «Брусков» — в воровстве колхозного имущества, в хищениях и разбазаривании колхозного добра, «не своего», «не собственного», «чужого», «казенного». Но высшее своего накала, остроты и напряженности художественный показ классового врага в советской деревне — это в даних Панферовым с большой художественной силой картина кулацкого контрреволюционного восстания и его ликвидации.

Восстания в деревне имеют свою большую длинную историю, как и свою большую литературу. Но Панферов не повторял эту литературу, ибо жизнь, которую он отражает и рисует, жизнь страны пролетарской диктатуры и строительства социализма не повторила и не могла повторить историю и литературу крестьянских восстаний.

С крестьянскими восстаниями история на одной шестой земного шара покоилась раз и навсегда пролетарской социалистической революцией, устранившей социальную необходимость крестьянско-демократических восстаний в ночь на 26 октября 1917 года, экспроприровав экспроприаторов земли.

Но Панферов в «Твердой поступью» дал жуткие картины восстания в деревне эпохи диктатуры пролетариата, эпохи коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества в этой основе кулачества как класса, эпохи, когда миллионы

лионные массы крестьянства уже повернули на новый путь жизни. Это — смелые и острые страницы и картины, созданные художником-понимающим, знающим, видящим, понимающим корни и существование классовых процессов и событий. Как ярко показывает панферовский роман, восстание в деревне в условиях пролетарской революции обречено, едва организованное, ибо оно неизбежно раздается внутренними противоречиями — ягрой домоу крестьян, сбиваемых тактикой тех, во главе которых стоит Кирилл Ждарикин. Такова в самом важном отношении главная панферовского романа, в которых показано кулацкое восстание, восстание в деревне, возникновение и подавление которого в отличие от всех прошлых восстаний в деревне характерно тем, что здесь восстание имеет своей целью разрушение деревни, уже повернувшей к социализму, уже ведомой Ждарикиными, до конца непримиримыми врагами Плакущевым, Ждарикиными, отталкивающими и уводящими от них массу, изолирующими от массы врагов нового социалистического строя.

Панферов понял и отразил в своем романе жизненную правду трудностей перевода веками и тысячелетиями вращавшего в своем мелкособственническом бытии крестьянина на дорогу новой жизни, трудности, на которых подчас играли враги, становившиеся на путь открытой вооруженной борьбы, на путь безумия и смерти, потому что, имея свой конец, решенный окончательно поворотом основных масс деревни в сторону социализма, Панферов показывает в своем романе правду большевика и пролетарского революционера Богданова, ведущего Кирилла не только подавлять восстание, но и выправлять души».

«Твердой поступью» — произведение большого, серьезного, художественного уровня. Художественный рост Панферова от второй книги «Брусков» к третьей совершенно очевиден.

И жалко, что в романе все же не нашли себе место недостатки; к их числу безумно отстает ряд критических промов, например, злоупотребление словами «колхоз», назойливо мелькающими на стра-

мероприятие поможет Оргкомитету усилить по существу руководство и творческую помощь литкружкам.

На общесоюзном съезде отмечались два рабочих литкружка: ЦАГИ и завода «Аремз» (руководитель и секретари кружков).

Свои творческие отчеты литкружки начали необычно. Не было докладов, сухих цифр. Выходящие литкружковцы, читая свои отчеты, рассказы, стихи.

Только подгода существует кружок ЦАГИ (руководитель М. Беккер). Кружок творчески себя проявил. Выпущено 8 листов.

На заводе чистка партии. Кружок выпускает в заводской газете литстраницу.

Литкружок активно содействует ЦАГИ в постройке агитсамолета «Максим Горький».

Литкружок завода «Аремз» участвует в конкурсе заводской газеты на лучшие произведения.

На съезде руководителей и секретарей литкружков выступили В. Ставский, Ю. Березовский.

Партийные организации, особенно райкомы партии, начали руководить литкружками. Работы профсоюзов еще не видно. В Москве работают 65 литкружков, выпускают литстраницы, но творческий актив молодых рабочих-писателей по-настоящему не выявлен.

Несколько упрощен автором образ Лемма, партийного работника старого революционера, в условиях сложной деревенской действительности сразу смыкающегося со Степаном Огневым и Бармой — против Кирилла.

Исторические судьбы и пути крестьянства явились одной из генеральных, узловых коренных тем и проблем советской литературы, в той мере, в какой она была связана с жизнью, с действительностью, с ее развитием.

Вообразите себя историком пролетарской литературы переходного от капитализма к социализму периода, изучающим ее через двадцать, тридцать, пятьдесят лет, и представьте, что не было и нет в пролетарской литературе наших современных произведений о деревне — в частности и в особенности — «Брусков» и «Твердой поступью» Ф. Панферова, «Подбитой целины» Шолохова, «Розета» В. Ставского и др., пролетарская литература сразу станет много бедней. И куда менее правдивой!

Очевидно, что пролетарская социалистическая литература является по своей природе, если бы не отразила в ярких живых образах тот великий всемирно-исторический поворот деревни и крестьянства на путь социализма, который совершен в нашей стране.

И мы можем смело сказать: литература социалистического реализма не изменила своей природе!

И. НОВИЧ